

Александр Самбрус

ЧАСТИЧНО

КОНСУМИРОВАННЫЙ БРАК

Сборник несопоставимых историй

Об авторе

Об авторе практически ничего не известно. Разве только то, что до недавнего времени он работал в основном в малом жанре, что не стало препятствием для написания авантюрного романа "Жара". Пожалуй, в этой загадочности есть свой шарм.

Автор живет в Киеве на правом, высоком берегу Днепра. Из своего окна он видит низкий, левый берег — удивительным есть то, что еще не так давно он к городу никоим образом не относился, это вообще была другая административно-территориальная единица.

По наблюдениям автора, птицы совершенно не придерживаются указаний Гоголя о том, что не каждая из них способна перелететь столь широкую водную гладь. Они запросто летают с одного берега

на другой. Было бы глупым винить Николая Васильевича в этой «неточности». С реками всегда поэтизация случается, особенно с великими. Дунай тоже ведь никакой не голубой, а ведь звучит так, что дыхание спирает! Только в очень короткий промежуток времени — в апреле-мае, когда солнце расположено под определенным углом, а в воде еще не сформировалось критической концентрации микроорганизмов, — только в этот непродолжительный временной отрезок его и можно назвать голубым. Зато сравнение оказалось великолепным — на весь полный год приклеилось и навеки припечаталось!

А еще автор очень любит небольшие украинские города: Рахов, Коломыю, Жмеринку, Печенег, Овидиополь и Александрию. А больше всего Черновцы — бывшую столицу коронной земли герцогство Буковина — но это уже средний по крупности город. Вообще-то край этот считался в Австро-Венгерской империи медвежьим углом, но вот сам город всегда вызывал восхищение императора Франца-Иосифа I. Всем своим многочисленным территориям он его ставил в пример — за терпимость. Даже специальный термин учредил Czernowitz Toleranz. В отличие от остальной Империи, тут худо-бедно, а все же уживались представители многочисленных

национальностей. Сейчас с «толеранц» все более и более напряженно, что не может не волновать автора.

Автор считает, что в летний период нужно обязательно сплавать по рекам. И если на отдельных участках Южного Буга это может быть небезопасным, то на байдарках вниз по Ворскле — подобный вид деятельности оказывает чрезвычайно расслабляющее терапевтическое воздействие на любой организм и приемлем даже для граждан пенсионного возраста. Приставать к берегу желательно поочередно — то к правому, то к левому. В таком случае нанести обиду окрестным селянам, выходящим навстречу с корзинами, полными натуральных качественных продуктов местного производства, будет невозможно. Автор считает, что предоставлять людям равные возможности является очень правильным жизненным подходом.

Получилась информация скорее не об авторе, а о реках и об их берегах, но это ровным счетом не имеет никакого значения...

Отзывы и пожелания можно отправлять по адресу: zhara45@yahoo.com

Любовник умер

Умер человек, который одно время был в связи с моей женой. Теперь уже бывшей. Но на то время — время их связи — она была настоящая законная супруга со штампом в паспорте на какой-то там странице. И отношения у нас были превосходные в то время. Более того, после стольких лет совместной жизни я опять в нее был влюблен.

Современная молодежь сказала бы: ты был муж, и он тоже факал. У современной молодежи сейчас все гораздо проще. Они называют вещи своими именами. Наверное, так и должно быть. Хотя почему же? Ведь и раньше такие вещи называли своими именами, даже и в большей степени грубо. А сейчас говорят менее грубо, даже любовно. Транслитерацию дают из английского, и чудненько так звучит — прямо нежностью веет.

Логическое обоснование очерчиваемой проблемы несложное. Ведь как принято утверждать в женском сообществе? Мужу никто не изменяет, это святое. Это вам каждая приличная дама скажет. Даже и те скажут, которые просто дамы, обычные жены, женщины, в конце концов. Без всяких там возвышенных эпитетов. Ну, бывает так, случается

иногда, кто ж виноват в том, что жизнь иногда поворачивается таким интересным боком и создает определенные возможности? Особенно когда некий красавец дефилирует мимо, слегка задев вас плечом или бросая невинную фразу? Кстати, не обязательно «некий» и не обязательно на улице: сослуживец и на рабочем месте — такое гораздо чаще встречается. На улице — это так, условно...

So what? — ну, так и что с того, что иногда вот такое приключается? В общем, on records, для печати, так сказать, для публичного пользования — никогда не изменяем, так и запишите. А то, что иногда случается, это же не измена, сами понимаете. Это так — поверхностное, временное, преходящее, несущественное, одним словом, и не стоящее серьезного упоминания, а вот измена — это глубинное, очень глубинное, затрагивающее самые основы, устои семьи подрывающее, ну, и так далее по тексту...

И у нас тоже так оформилось с теперь уже бывшей, а на то время законной супругой. Негласно, конечно, никто специально ничего не оговаривал, но все же со временем консенсус выстроился: по умолчанию мы оба были не против того, чтоб каждый из нас иногда пользовался определенной свободой в рамках разумного и

приемлемого. Подчеркиваю: в рамках разумного и приемлемого. Могут возразить, что вот это «разумное и приемлемое» — уж слишком расплывчатое толкование, но согласитесь, что его — определенного и фиксированного толкования — и быть не может. Предполагалось, что мы, как люди современные, но в то же время ответственные, выйдем на это толкование самостоятельно в каждом конкретно взятом случае. Если не усложнять, то можно так квалифицировать: если ты отправился в командировку на месяц, а брачный партнер тихо и дискретно воспользуется этим отсутствием, опять же на отдыхе, если отдыхаем по отдельности (ну, это просто классика жанра), да даже и в иных случаях, уж если они подворачиваются, главное, чтоб в этих самых рамках все удерживалось. Так вот это — одно дело. А вот когда, как говорится, под носом у другого что-то там закручивается — в непосредственной близости, да еще и на виду у всего честного народа — это совершенно другая петрушка.

Резюмируем. Итак, главное, чтоб дискретность соблюдалась, главное, все делать так, чтобы поменьше заметно-видно было — вот и все толкование. Толкование и изложение данной проблемы вкратце. Без фанатических углублений и экскурсов, без ненужных и бесполезных

рассуждений. Простите за правдивое отступление, но без него трудно было бы идти дальше... Одним словом, мы же не ханжи, в конце концов, так что давайте уже прекращать обсуждение данной темы.

Ну вот... В данном случае с этой самой дискретностью и не сложилось. Я тогда не знал об этой их связи. Все знали, многие меня неоднократно ставили в известность, просто я не хотел этому верить и не верил. У меня в то время была к ней особая «вторая» влюбленность, а для того чтобы разобраться во всех этих, как по мне, сомнительной природы обвинениях, нужно было пойти на нарушение этого возвышенного состояния. Как раз этого мне совершенно не хотелось делать. Некоторые называют это ослеплением. Возможно...

Почему он покинул этот мир в относительно молодом еще возрасте? Это вообще никакого значения не имеет. Тысячи причин на это есть, мало ли что в жизни может случиться.

Не знаю, испытываю ли я в данный момент что-то такое особенное по отношению к нему. Может, какое-то легкое сожаление, как и о каждом человеке, которого знаешь и вдруг — бац! — его уже нет. Впрочем, я его не очень хорошо знал.

Такое шапочное знакомство, считанные разы всего и пересекались, так чтоб основательно. Я только и знал о нем то, что он в родственной организации служил. И то еще, что он всегда при богатых дамах состоял, больше ничего. Ну и что с того — дело житейское...

Интересно, знает ли она? Очень может быть, что и не знает, потому что они сто лет как расстались. Более того — она держала его на некотором удалении ото всех наших знакомых, так что вполне может случиться, что эта новость до нее не скоро дойдет. Она ведь соблюдала принцип разумности и дискретности.

Нет, это совершенно определено — она точно ничего не знает. Существует вероятность того, что и не узнает в ближайшее время! Через полгода узнает, в ужас придет, докопается, что я знал и ей ничего об этом не сказал. А может, как раз именно она и должна знать? Может, все-таки их что-то большее связывало, чем банальные «особые отношения» на тот конкретный период, и для нее как раз будет очень важным знать об этом? И потом, может, она даже захочет прийти к нему проститься?

Хорошенькое дело вырисовывается. Получается, что теперь на меня, пострадавшую сторону, если можно так выразиться, еще и такая ответственность выпадает: нужно принимать решение — сообщать ей об этом или не сообщать. И, в случае принятия положительного решения, мне же самому это и предстоит осуществить! Осуществлять шаги по ее информированию...

Итак, звонить ей или не звонить? Если я ей не позвоню, она точно ничего сразу не узнает. Узнает уже тогда, когда будет поздно. И — вполне возможно — будет меня винить. Естественно, ничего мне не скажет, винить будет заочно, за глаза. А это худшее, что только может быть. Рассуждения будут в такой плоскости: ну хорошо, он сам (то есть я) его (любовника) не очень хорошо знал, зато все его (мое) окружение — знало, а следовательно, информация об этом событии до него (до меня) точно дошла. И своевременно. Вывод: он все знал и ничего мне не сказал. Естественным образом напрашивается вопрос: а почему, интересно? «Подлянка» тому виной или, может, он до сих пор ревнует, а?

А вот этого, чтобы у нее создалось впечатление обо мне, как о ревнивце, по

прошествии такого времени — ну уж нет! Мне это никак не улыбается!

С другой стороны, может, все же лучше было бы не звонить — непонятно, как она расценит этот звонок. Ситуация: звонит бывший муж, чтобы сообщить о смерти бывшего любовника. Или одного из любовников. Скорее всего, подобную эвентуальность никак нельзя исключать... Пикантная ситуация! С другой стороны, ведь и с моральной точки зрения это неправильно — не извещать о смерти близкого человека. Тем более, если знаешь, что эта новость может пройти мимо нее. Был же он ей близким человеком, если она три года держала его при себе?! «Мой тореадор» его называла (об этом я только потом узнал), хорошо еще, что не наездником... Кстати, в последнее время замечаю, что элементов цирка в обыденной жизни можно отследить в достаточном количестве, может, именно этим она так и интересна... А! Вот еще что забавно! Больше всего в данных рассуждениях мне нравится именно это — «с моральной точки зрения» — дух прямо захватывает! До морали, наконец, подобралась!

А вдруг ей действительно никто об этом прискорбном событии сейчас не сообщит? Нет, определенно сейчас никто не сообщит, просто

сейчас в ее окружении нет таких людей, которые могли бы. Кроме меня самого. Я, кстати, нутром чувствую, что будет потом. Потом они все и объявятся — возникнут откуда-то из небытия — и все начнут ее информировать. Чуть ли не хором. И выйдет наружу, что я был в курсе дела и «зажал». Опять же, скажут, что ревновал, и прочие глупости напридумывают. Нет уж — еще раз подчеркну — вот это «ревновал» — это самое худшее, с чем я могу столкнуться! Все, что угодно, но только не это! Н-да, ситуация...

Кстати, обычная для таких дел деталька: он был значительно моложе меня. И вот теперь его нет, а я продолжаю тут, на этой земле, свое существование. Продолжаю находиться. Копошиться. Ворошиться. И еще неизвестно, сколько это будет длиться. Его родственники и знакомые соберутся через год, чтобы помянуть его уход, потом через два, может быть, и через три года — ну, это в лучшем случае. Потом вообще никто и не подумает о таком. А я и дальше, если бог милостив будет, буду продолжать свое тут нахождение. Копошение. Ворошение. Как ни в чем не бывало...

Вот ведь как случается... Над такими вещами задумываешься только тогда, когда подобные

ситуации и возникают. Во все остальное время даже самое ничтожное размышление подобного рода на ум не приходит. Для того чтобы возникли подобного рода рефлексии, нужен повод. Как ни печально, а повод вот такого «смертельного» свойства.

И еще об одной детали напомним. О том, что когда она с ним закрутила эту любовь, я сам в нее был влюблен без ума. Я это называл синдромом возвратной любви. Может быть, определение не совсем точное — я имею в виду, что после двадцати лет нашего брака, после многих ups and downs¹ в ходе нашей совместной жизни, я в нее опять влюбился. И это была какая-то новая любовь, иного качества, гораздо более осмысленная и глубокая, до самопожертвования. Я тогда ничего странного и подозрительного не замечал, настолько это чувство было всепоглощающим. Вовсе не реагировал на недвусмысленные намеки наших общих друзей. Влюбленный Ромео средней возрастной группы, едрит твою в колено... Ей богу, прямо неловко за себя такого... простачка глуповатого...

¹ Взлеты и падения (англ.)

Ах, как уверенно она себя в то время чувствовала. Как еще себя может ощущать молодящаяся гранд-дама, у которой в жизни все только на отлично получается? «Депрессия — это не ко мне, — небрежно бросала моя несравненная донна налево и направо всем, кто только готов был ей внимать, а таких в то время было немало. — Не по моей части. Уж кого-кого, а меня она не схватит! Вообще не представляю, как это можно в депрессивном состоянии оказаться. Жить — это же так прекрасно! Жизнь антидепрессивна по своей сути!»

Боже ж ты мой, какая самоуверенность! Но к подобному выводу — насчет самоуверенности — приходят уже потом, уже после периода эйфории. Перефразируя известное выражение, можно сказать: никогда не зарекайся от депрессии. Вернее будет.

Интересно, видела ли она, замечала ли эту его новую возвышенную любовь? Господи, что ж я спрашиваю о таком?! О такой очевидной вещи? Конечно же... Еще как замечала! Итак, получается, что она прекрасно была осведомлена об этой моей новой влюбленности, не просто видела ее, а ощущала ежеминутно, и тем не менее все это совершенно не мешало ей в осуществлении — как бы это сказать поточнее? — вернее, в «покорении

новой вершины». Пусть будет так, вроде бы неплохо придумал. Нет, определенно «покорение новой вершины», звучит очень даже ничего. Лично мне нравится. Пожалуй, я нашел четкое, емкое и правильное определение той ее жизненной цели в тот конкретный период.

А для меня в то время счастье и благополучие любимого человека было самым главным на свете. Как никогда, я проникся тогда строками из Ветхого Завета: «Радость моя — в твоей радости, как рука в руке, как кинжал в ножнах, как сердце в груди». Вообще много тогда цитировал ей Священное Писание из самых разных мест — ну, такое у меня тогда настроение было возвышенное. Да еще и комментировал. Возвышенные слова возвышенно комментировал. Тьфу! Сейчас бы сказал — сопли разводил. Я, может, сейчас себя за эту свою возвышенность и ненавижу! Сентиментальщина — тоже неплохо звучит. По моему адресу...

А она — она всегда меня слушала — цитирования эти — с неподдельным интересом, с очень большим вниманием и — прошу отметить это особо! — никогда ничего не говорила на это. Ни единого слова. Как-то необычно все это выглядело — я это отчетливо запомнил: я к ней со своими признаниями-излияниями, с самыми высокими

словами, а она мне в ответ не то что с чем-то подобным, пусть даже и разбавленной консистенции, но вообще ни слова в ответ! Нормального человека один только этот факт должен был бы насторожить, а я тогда списывал сие несоответствие на расхожее мнение о том, что, мол, «кто-то всегда любит сильнее»...

Господи, какой был идиот! За себя стыдно перед всеми, кто видел и присутствовал при этом! Уже не в юношеском возрасте пребывать — и так противно, так мерзко, по-детски наивно себя вести. И как потом стыдно стало, когда все это открылось, и ведь до сих пор все еще стыдно именно потому, что это было очевидным для всех. Кроме меня самого...

Опять же, что примечательно — он при ней был все то время, что мы с ней были вместе. А когда мы перестали быть вместе, так его нахождение рядом с ней немедленно оборвалось, он моментально куда-то испарился. «Куда-то» — сказано расплывчато, почему ж не сказать более определенно: отправился на поиски очередной богатенькой дуры. Потому что не только я дураком был, но и она тоже оказалась дурой. В итоге, само собой разумеется.

А все же ее «дурость» гораздо меньшей степени, следует признать. Хотя бы потому, что свои удовольствия она получала. А все же дура потому, что уверовала в то, что эта распрекрасная эйфория будет продолжаться вечно, а если и не вечно, так какое-то еще время точно будет длиться. И как раз это слово — «длиться» — самым обманчивым и является в данных ситуациях. Все думают, что оно охватит годы, это «длиться», а речь может идти об очень коротком временном промежутке. Пару месячишек и будет. Запомывала гранд-дама, в безмерном счастье своем пребывая, что все хорошее когда-нибудь да и заканчивается. Простая житейская философия, не нужно никуда особо углубляться — ни в Канта, ни в Гегеля, ни до прочих высоких умов достукиваться. Повторюсь: беда в том, что не знаешь, когда это самое «заканчивание» произойдет.

Если бы она знала о таком его, «тореадорском», поступке заранее — не так было бы больно. Психологически можно было бы подготовиться. Что вот, мол, условно говоря, с 1 октября он испаряется, и на этом весь амур заканчивается. Таким образом, когда этот

первооктябрьский deadline ² наступает — он исчезает, улетучивается, испаряется, ей, безусловно, очень грустно будет, очень даже печально, более того, невыносимо будет до самой чрезвычайности, а все же не до такой же степени, что хоть в петлю лезь. Не до такой степени, что к врачу бежишь, и он тебе прописывает кучу антидепрессантов, и ты потом долго, медленно, постепенно выходишь из этого состояния. Грубо говоря, год это может занять или два. И если бы весь этот сценарий знать заранее, так как-то можно было бы настроиться, подготовиться, свыкнуться и с этой ситуацией худо-бедно справиться. Без катастрофических потерь, во всяком случае.

Одним словом, его не стало, ушел куда-то он от нее за дальний горизонт. А как она думала? У нее после того, как мы расстались, не такие уж и большие деньги имелись, нужно было срочно сбавлять обороты — траты уже не те будут, качество жизни подхрамывать существенно начнет — он что, не понимал этого? И что он в этих новых реалиях — молодой, красивый и прочее, и прочее — при ней должен держаться? Прозябать на какие-то деньжонки?! Как бы не так! Было бы

² deadline — крайний срок (англ.)

просто смешно, если бы он не понес свою красоту, молодость и удаль куда-то в другое место, а остался бы печальным рыцарем при даме намного старше его и уже без наличия возможностей. Так что ничего удивительного не случилось — понятное дело, у него были свои расчеты, интересы, предпочтения. Его жизнь, в конце концов. Единственная стоящая ценность. Такая, кстати, преходящая категория, это я о ценности. Сегодня ты молод и нужен всем, завтра — уже постарше и нужен немногим. Еще пяток-десяток годков — развитие сценария пусть каждый сам додумывает... А она... Что тут говорить, сценарий и тут ясен. После того, как пролечилась от столь неприемлемой для нее в прежние времена депрессии, как-то начала входить в новую для себя среду... Может, у нее после блестящего «тореадора» и другие были воздыхатели — пониже классом, само собой разумеется, — я не в курсе. Я в это не вникал. Незачем.

Нет, все же это небезынтересно, в особенности исходя из сегодняшней перспективы, проанализировать, почему именно случилось так, как случилось: пока наша с ней конструкция была прочной, сцементированной — и ее «тореадор» рядышком с ней держался. А только конструкция обрушилась, как он тут же — немедленно! — исчез!

Раньше я как-то особо об этом не задумывался. А вот теперь — осенило! Осенило и не отпускает, все время накатывает. Уж не в деньгах ли дело? Не просто в банальной поддержке — подарки, какие-то подачи и прочее, а — берите глубже? Основательнее. В такой вот финансовой цепочке? В перетекании денежных средств? Во всяком случае, какой-то их части? От меня — к ней. От нее — к нему. Выгодополучатель — вот кто он такой... Я ему сразу приварил этот термин, с этого самого момента, как такое понимание ко мне пришло. Или еще — Бенефициар, тоже неплохо звучит. С заглавных букв эти два определения для меня шли, мне почему-то так больше нравилось.

А у меня как раз тогда деньги были — период был благоприятный, чего уж там... И поскольку я был в нее так по-дурацки влюблен, то разве я считал, сколько их там уходило к ней? А о таких вещах, как финансовое перетекание, и вовсе не задумывался. Определенно, если рассуждать логически, то какая-то часть этих средств перетекала от нее к нему. Почему бы и не предположить такой возможности? В любом случае, ее никак нельзя исключать. А скорее всего, так оно и было.

По здравому рассуждению, я, в общем-то, не должен испытывать особого сожаления относительно того, что у нее был любовник. При мне, как говорится, живом. Под боком находящемся. Я ведь тоже не святой, и у меня тоже были всякие историйки. Так что я ее не виню. У меня, может, даже и больше было. Просто именно в тот мой «рассопливо-возвышенный» период так никого точно не было. А у нее был! Тьфу — с досады, второй раз уже! Одним словом, я ее не виню, потому что это жизнь. И вообще: все, что нас окружает, это жизнь. Какое-то время тому назад я понял, что тягаться с жизнью, пытаться ее осмыслить, переделать и еще чего-там там особо умного предпринять смысла никакого не имеет. Если рубануть по простому — так и вообще глупо. Нет, хотя вот насчет осмыслить — это я немного загнул — осмысливать нужно, и рано или поздно каждый осмысливает, я просто хотел сказать, что осмысливать нужно и даже обязательно, но без идиотского фанатизма...

Человек — существо несовершенное. Один человек другому должен прощать многое. А может быть, даже и все. Насчет этого «все» — опять же, момент спорный, но я придерживаюсь мнения, что если не все, так почти все. К такой сентенции уже потом приходишь. И почему именно к такой, тоже

понятно — с годами добреешь. Представляю, если вдруг доживу до ста лет — не то, что всем все прощу, — врагов любить буду. Точно как по Библии, что я тогда ей цитировал...

Ну, был он у нее и был. И не нужно делать из этого трагедию вселенского масштаба. Еще в Древнем Риме это принимали и не сходили с ума. Уже тогда люди были умными настолько, что не комплексовали по таким поводам. До тех пор, пока империя не рухнула. Наверное, после этого и начали...

А все же некоторые сходят и по сей день. На свете полно всяческих последователей этой самой викторианской морали. Особенно много в Америке окопались. В частности, в белых резервационных глубинках. Уже в самой Англии о викторианской эпохе все давно забыли, а там вот почитают. И сражаться готовы с пеной у рта. Недавно читал на форуме пост одной американской старушенции, так она пишет, что за все ее семьдесят три года у нее только и был — в плане мужчины — исключительно ее суженый. Что все эти годы у нее внутри только и был, что один-единственный мужской член. А у ее мужа, соответственно, тоже никого другого не было за все эти годы, и его драгоценный половой орган ни в каком другом

«углублении» — клянусь, именно так эта бабенция и выразилась! — не находился. И она этим страшно гордится и хочет, чтобы и все так прожили свою жизнь, как она со своим муженьком. И тот тоже якобы безумно гордится этим фактом. Короче, они оба страшно горды. Делятся этой своей радостью со всей необъятной страной и даже шире — в планетарном масштабе, и страшно надеются на то, что они послужат примером для молодой американской поросли. Горячо надеются, что опыт этот бесценный и дальше пойдет шагать по всей планете.

Я в ту ночь долго, помнится, заснуть не мог, настолько меня этот факт поразил. Что там поразил — наповал сразил! Жизнь прожить — чёрте какую долгую! — и не познать всей прелести окружающего. Потому что на свете много, конечно, всяческих прелестей, но ведь эта прелесть одна из прелестнейших...

А вот наука говорит обратное, что касается этой их до гроба верной верности. Что если муж и жена лет двадцать находятся в такой вот ограниченной близости, то это ненормально. У них все инстинкты и ощущения притупляются и, по большому счету, можно утверждать, что они — в той или иной степени — больны.

Но это у них там с подобными заболеваниями народ сталкивается. В наших краях, слава Богу, все здоровы. Настолько здоровы, аж до того момента, пока не окочурятся. Интересное наблюдение сделал, как мне кажется. Жизненное.

Другой немаловажный момент. Во всей этой ситуации кроме стыда перед окружающими испытываешь еще и чувство неловкости перед самим собой, прямо не знаешь, куда себя деть. Нет, ну я, когда узнал, все упреждающие меры принял, конечно же, гоголем ходил, виду не показывал. Я о своем внутреннем состоянии речь веду. По большому счету, мне кажется, в той ситуации я выставил себя — ну, как это звучит в просторечии? — законченным лохом. В народе считается, что если мужчина выставит себя лохом перед другим мужчиной, так это что-то не совсем достойное. Непозволительное. Более того, унизительное. А вот если мужчина выставит себя лохом перед женщиной — да это вообще никак не считается, настолько это малодостойно. Ну, в общем, дикая ситуация, слова подобрать даже трудно. Даже исходя из сегодняшней перспективы, что уж там говорить о том времени...

Как-то однажды, в один из тех считанных разов, когда нам случилось столкнуться, мы

оказались в довольно разношерстной компании, чуть ли не каждый отдел был представлен. Да еще и посторонних было немало, «тореадор» тоже там оказался. Они дистанцированно себя вели, вроде как слегка знакомы, да и только. Вначале что-то отмечали на работе, а потом вышли на проспект и занырнули в один из подвальчиков. Естественно, что все уже были тепленькими и веселенькими. А в подвальчике еще и добавили. И вот кто-то спросил его, а за ним ведь ходила слава весьма удачливого сердцеда:

— А есть ли у вас личная формула любовного успеха?

Какого черта этот кто-то задал такой вопрос — непонятно. Может, просто так — от фонаря. А может, и подтекст был, попробуй сейчас проанализируй. Но, по большому счету, исходя из сегодняшнего контекста, так памятник ему поставить — и не меньше! Глазооткрывателем оказался.

Он улыбнулся. Красиво улыбался, чертяка! На фоне своего модного и, наверное, очень дорогого галстука, такой же модной куртки так и вообще выходило феерически. Долго не отвечал. Только улыбался. Настолько долго не отвечал, что все подумали — уже и не ответит. По каким-то там, одному ему ведомым соображениям. И правильно

сделает: какого черта он должен отвечать на такого рода вопросы, можно даже сказать, с провокационным подтекстом? Именно так тогда многие подумали, что и действительно — не будет он отвечать на такой вопрос. Поулыбается — и все тут. Потому что такой вопрос задавать, да еще и в такой толпе, безумие какое-то. Одно извиняет, что все уже «хорошенькими» были и никто ничего не соображал. Ну, задал кто-то вопрос, ну, а он не ответил — и все события. А он после своего длительного молчания взял да и ответил:

— Есть. Каждый раз я стараюсь так, как будто это в последний раз.

Я это услышал, и меня просто сразило это жуткое несоответствие. Настолько было удивительным услышать подобное именно от него, молодого еще человека, не достигшего и тридцатилетнего возраста. Если бы такую философскую загогулину выдал мужчина лет пятидесяти и старше, то все бы посмотрели на него в полнейшем восхищении. Потому как уже время наступило для пятидесятилетнего, чтобы подобные сентенции изрекать. Но от него, с его возрастным «багажом»...

Я глянул в его сторону: он смотрел на меня. И сразу же отвел взгляд. Я тоже начал уходить от него

взглядом, ничего пока не подозревая. Слегка сворачивал свой взгляд вправо до тех пор, пока мой взгляд не уперся в нее. Она на меня тоже смотрела. Испытывающе, я бы сказал, оценивающе. Но не только — в ее глазах присутствовал настолько сильный элемент ужаса, что этого невозможно забыть! Как и того, что в глазах запросто прочитывалось: «Да как же так? Как же такое — тут и при нем — можно говорить?! Уж не сошел ли ты с ума, «тореадор»?!»

У меня, еще болвана на тот момент, даже рот слегка приоткрылся. Словно я хотел сказать: «Ну вот, ты видишь, какое несоответствие глаголет молодой человек?! И зачем ему только такое личное озвучивать? Да и неправда все это, сама понимаешь... Чтобы тридцатилетний мужчина так выкладывался перед женщиной намного старше его, тем более перед своей спонсоршей, так не бывает. Ну, что ты скажешь?»

Она покраснела и резко опустила глаза. И только тут меня словно молнией ударило! Смутно, но вспомнилось — и этот мне что-то о них говорил, и тот намекал... С головы до пят электрический заряд пронесся: «Эй, парень, тут что-то не то... хромает что-то сильно...» И такое ощущение, словно глаза у меня до этого были закрытыми, а тут начинают они приоткрываться...

Вся развеселая компания притихла. Моментально у народа алкоголь если и не выветрился, так на какое-то время его воздействие притупилось. По всему было видно, что и всем остальным тоже было настолько дивным слышать нечто подобное. И именно от него... От молодого, цветущего и всегомогущего человека! Немыслимо для всей компании было такое услышать. Еще и потому немыслимо, что я ж тут рядом находился! Тот, вместо кого этот молодой человек так бесстрашно старался!

И мое положение чрезвычайно интересное. Я как раз в процессе «пробивания» пребывал. То есть я, может, еще не все и окончательно понял, но момент капитального сомнения уж точно наличествовал. В общем, я на верном пути, что касается осмысления и осознания данной ситуации, находился.

Потом все их глаза — нашей компании — перешли на нее. Все прямо уставились на нее, не сговариваясь. Потом и на меня. Вот это «путешествие» глаз и сняло у меня все сомнения, ситуация настолько четко передо мной нарисовалась, что я моментально пришел к правильному выводу: I was — and still am —

duped³. Просто нельзя было не прийти к такому выводу. Даже для меня, такого простофили, иного выхода не было, как только прийти к такому окончательному выводу.

Первое побуждение было — внезапное и болезненно острое — встать и уйти. Вот оно — самое лучшее решение. Но как бы я не был раздавлен этой внезапно открывшейся новостью, а все же ситуацию оценил правильно: встать и уйти сейчас будет чересчур драматично. Театрально. Даже дешево. Непоправимо для своего собственного имиджа. Я должен был — обязан просто! — сгруппироваться и терпеть. Судорожно пытаюсь найти приемлемый вариант отступления. Или нападения?

Значит, у нее есть любовник. При мне, не просто живом и рядом находящемся, а еще и в состоянии второй влюбленности пребывающем! Замечательно! Признаюсь, для моего самолюбия больно было выговаривать, даже в мыслях прокручивать это унижительное слово «любовник» — каким-то образом я сразу же интуитивно нашел

³ Меня одурачивали — и до сих пор — одурачивают. (англ.)

для себя эвфемизм: Выгодополучатель, он же — Бенефициар. Даже еще не приступив к анализу финансовой ситуации относительно перетекания денег от меня через нее к нему, я верно и сразу пригвоздил к нему эти определения. За это мне отдельный респект! Ну, хотя бы за это, черт возьми! Кто ж меня еще похвалит, как не я сам!

В итоге я досидел до конца и из подвальчика вышел со всей компанией. Как ни в чем не бывало дождался завершения посиделок. Словно меня это не касалось. Как будто я в курсе всего происходившего был, но, естественно, я выше этих передрыг находился. Аристократично так, блин-бля-черт возьми, представил им всю эту мерзопакостную ситуацию... И это была единственно верная тактика на тот момент. Я это сразу осознал. И сразу почувствовал, что меня вроде как и уважали, что я вот так — героически — стою над всеми этими дрянными обстоятельствами. Более того, всем своим поведением я как бы показывал: да не так все просто, уважаемые господа и товарищи, други разлюбезные. Не так все однозначно, и скажу вам больше: у нас даже и закручено все по-залихватски. С обеих сторон, родные мои. Вы все это время насчет меня заблуждались, милейшие. Знаю я обо всем. Что там у них амурный расклад наличествует,

что вся эта история у них давно уже оформилась, и я об этом с самого начала в курсе пребываю, и всю эту ситуацию принимаю, как она сложилась, и вы же сами видите, что меня данные обстоятельства нисколько не колышут...

И у них — ни у кого из этой компании! — не останется иной опции, как только предположить, что и у меня на стороне кто-то имеется, некая «маленькая подружка», что и мне самому молодое тело гораздо предпочтительнее... Одним словом, не лыком я шит, как вам всем, по вашей же простоте душевной, казалось. И вот эта диспозиция — она со своим «тореадором», а я тоже один не прозябаю, а кое с кем нахожусь «в процессе», с неизвестной вам пока личностью, романчик параллельно подкручиваю — нас всех вполне устраивает, и мы все страшно довольны... Ну, вот такие мы, что уж тут поделаешь, ну, так получилось, просто умело мы шифровались, ну уж раз вышло наружу, так что ж, таиться больше не будем — принимайте эту данность, как она есть!

Спасительный ход! Ура! Я не полный болван! Я, оказывается, еще о-го-го! Голову на отсечение даю, что в самом начале народ пребывал в несколько двусмысленном оценочном состоянии. Но потом это ушло. И в дальнейшем как симпатии, так и уважение — все было на моей стороне. В

любом случае, мой имидж был не только спасен, он даже и улучшился! Кардинально!

Поздно уже было, когда мы начали прощаться, уже наверху стояли. Краем глаза я последний раз на него посмотрел. Что-то мне подсказывало, что вряд ли мы еще свидимся. Определенно, он чувствовал себя не в своей тарелке. Опозорился, чего уж там. Мог бы промолчать, и тема сдулась бы. А так — такой идиотизм зафигачить о своем невероятном старании — это ж надо уметь! «Ха! Он старается так, как будто это в последний раз! Он, тридцатилетний «тореадор», да еще и в статусе Бенефициара?! На кой хрен Бенефициару чрезмерно стараться ради женщины, которая гораздо старше его, смысл-то какой? Нет, это было невысказанно такое ляпнуть! Повторяю по слогам: не-мыс-ли-мо!»

Уж извините, что повторяюсь, просто засело намертво...

А мы все стояли и стояли на проспекте, все прощались и прощались и никак не могли распрощаться — ну, как всегда и бывает с подшофешными индивидуумами. Калякали о всякой ерунде, я успешно продолжал играть свою роль «высокого держателя флага, мощно

развевающегося на ветру». Наконец, начали расходиться. Бенефициар как-то незаметно исчез, словно растворился. Никто и не кинулся его искать, никто о нем и не вспомнил. Как там римляне говаривали? *Sic transit gloria mundi*⁴... Мол, был среди нас незаурядный человек — в физическом плане хотя бы — и вот уже и нет его, и ничего такого сверхординарного не произошло, и никто умом от горя не тронулся...

Кто только нам не предлагал до дома подбросить, а мы: «Нет! Нет! Лучше прогуляемся! Воздух какой! А после возлияний так и пройтись не помешает!»

И мы пошли домой пешком. В общем-то, нам не так уж и далеко было. Но поскольку мы шли очень медленно, то эта прогулочка некоротенькой вышла. И за все это время, что мы путь проделывали, я ничего ей не говорил. На фоне того, что она уже осознала мое прозрение там, в подвальчике, было бы вполне логичным, чтобы я приступил к разбирательствам. Я всеми своими фибрами чувствовал, что все это время она готовилась к такому разговору. А сейчас места себе не находила, недоумевала страшно, что же я ничего

⁴ Так проходит мирская слава (лат.)

такого не говорю, ни о чем ее не расспрашиваю и совершенно этим вопросом не интересуюсь. Я просто кожей чувствовал, как она хотела, просто жаждала, чтобы я хоть что-то сказал, пусть и вскользь, а я иду — и хоть бы хны! Как будто ни о каком прозрении и речи нет. Спроси она меня напрямую — чего никак нельзя было предположить, естественно, — относительно этого прозрения, я бы ей сказал: «Да о чем ты, дорогуша?! Какое такое прозрение?! Чье прозрение? Да что ты, милая?» Нет, ну она же не могла «упасть» до такого выпытывания, даже и под пушечным дулом находясь.

Одним словом, ни слова не сказал за все это время. Она отодвинула вопрос прозрения в сторону и начала предпринимать попытки завязать разговор насчет погоды и прочей ерунды, в диалог увлечь пыталась любыми способами, а я как рыба об лед, иногда только, когда уж совсем нельзя было отмолчаться, только звуками отвечал: «А-а-а...» — и зеваю при этом, или: «Хм...» — и растягиваю до невозможности, или кивком головы, или другими невербальными средствами — но ни единого слова! То есть вроде как поддерживаю беседу: «Отчего же, мадам, уж если вам так хочется поговорить... да пыжалста... бога ради... отнюдь не против миленькой беседе поспособствовать!» Мне кажется,

ей даже обидно стало. Впрочем нет, не то слово. В том контексте обижаться — ерунда какая-то... Она реальную почувствовала опасность, ей стало страшно — наверное, впервые за много лет — да-да, реально страшно, что все это так не минется, что выльется это обязательно в нечто грандиозное!

Нет, конечно, не в смысле скандала, дикой разборки и всего такого — она как раз только этого и хотела бы, чтобы все было чрезвычайно драматично, может, даже и с элементами ограниченного физического воздействия — не приведи, господи! — потому что после драмы всегда наступает катарсис, очищение, прощение, непременно забывание даже и первопричины размолвки и восстановление того счастливого состояния, что царило до того. А тут она кожей почувствовал, что развязка произойдет очень быстро, все случится по-деловому, без объяснений сторон, без единого слова, без единого намека даже. Все произойдет в рамках королевских приличий, и единственное, что ей будет сказано, так это то, что мы остаемся «самыми верными друзьями», причем надолго, навсегда и ни при каких обстоятельствах не прекратим наших теплых отношений. И что мы будем регулярно созваниваться, а иногда и встречаться по разным поводам, одним словом, никакой трагедии — и в помине ничего такого не

будет. Однако все это не меняет главной сути: все изменится бесповоротно и уже навсегда. То есть так, как в «нормальных» семьях подобные вопросы и решаются — бескровно и безскандално. Но навсегда и бесповоротно. Вот таким вот образом, многоуважаемая и бесподобная наша мадам, синьора и гранд-дама! Извините за столь ужасающую лексическую несуразицу.

Понимала ли она тогда, что вместе со мной уйдет и он? Этот суперкрасавец с ослепительной улыбкой, великолепной фигурой, прекрасными манерами, далее по списку... Лично мне в то время не до подобных мыслей-анализов было. А сейчас я понимаю, что она это прекрасно осознавала. Еще бы! Конечно, ей было страшно. Не то слово, даже и найти сложно будет более соответствующее. Медленно, но уверенно и реально вырисовывалась перспектива жизненного заката. А ведь иная перспектива — великолепной жизни — могла еще продолжаться. Неведомо как долго, конечно, но ведь могла же! С одной стороны, муж наличествовал — представительный, моложаво еще выглядевший, успешный в делах и с такой интригующей сединой, пробивающейся на висках. С другой стороны — картинный красавец, аккурат с обложки глянцевого журнала. Чудная комбинация, у кого еще такое счастье могло быть?!

И вдруг — бац! — из-за какого-то совершенно идиотского вопроса, а потом и последовавшего на него не менее идиотского ответа (лишний раз убеждаешься в правоте постулата, что очень красивые самцы не всегда самые умные — впрочем, так и должно быть — ведь если бы красавцы еще и слишком умными были, то что бы оставалось делать всем прочим индивидуумам?) — вся конструкция и осыпалась. Медленно-медленно принялась осыпаться: сып-сып-сып — в конце только горка то ли песочка, то ли пепла и осталась. А хороша была конструкция! Она имела полное основание гордиться ею — не кто-то там выстроил ее, а она самолично, своим умом, находчивостью, прочими талантами такое вот выстроила, что все прямо за сердца держались: финансирующий муж — любовник типа альфонса (уж будем откровенны, господа!) — молодящаяся гранд-дама, почивающая на всех этих расчудесных лаврах. Вот такая была дивная и чудная конструкция — и тут она враз прахом пошла... И уже не кто-то иной, а лично та же самая гранд-дама за сердце держится и уготовано ей в более отдаленной перспективе, скорее всего, быстрое и неминуемое увядание, равно как и одиночество. В более близкой — депрессия, именно то, в чем она так горячо уверяла

всех и каждого — что она ее никогда не настигнет...

А, вот что еще... Число я это запомнил — 19 июня. Сразу понял, что оно мне не просто в память врежется, что это знаковое число для меня, что именно в то число у меня глаза открылись. И что отныне я этот день должен почитать, боготворить и каким-то образом отмечать. И, представьте себе, я теперь каждый год его и отмечаю. Каждое 19 июня вечером, именно в то самое время — на часах было что-то около десяти — я прихожу в этот подвальчик и заказываю себе именно тот коктейль, что у меня был тогда в бокале. «Сингапур слинг», жарко тогда было...

Я все-таки ей позвонил. И правильно сделал, себя потом бы казнил. А разве мне это нужно? Они в свое лучшее время прыгали, кувыркались, и проченаслаждались, а я сейчас дебаты внутри себя разводить примусь относительно того, звонить или не звонить? Ведь все легко можно, в принципе, устроить: загоняешь себя в несколько отмороженное состояние и — никаких проблем, далее все идет как по маслу! Золотое правило!

— Знаешь, не хотел бы тебя расстраивать... — начал держать паузу, пусть

помучается. — И все же, думаю, нужно сообщить об одной новости: твой, ну тот...

Как его, черт возьми, назвать — не любовник же?! И не Бенефициар с Выгодополучателем, эти новообразования исключительно моими являлись и исключительно для моего же внутреннего использования! Что ж я не продумал раньше, как буду его называть?!

— ...твой избранник... ну, в общем... тот, который...

Жестковатое начало, не без этого, но что поделаешь...

— В общем... как бы это сказать, чтоб ты не очень... расстраивалась...

Тут я опять замолчал. Вот это я как раз продумал — периодические молчанки. Но и на том конце провода молчание. Просто катастрофическое. Хотя, с другой стороны, глупо ведь было бы с ее стороны наброситься на меня с вопросами: «Как? Что? Когда?». Так что она все правильно делает... Ладно, пойдем дальше...

— Одним словом... отошел...

— Куда — отошел? — чувствую, совершенно не понимает сути вопроса.

— Как куда? Именно туда и отошел — наверх... куда мы все, в тот или иной момент... — ей богу, я при этом, и подробности вроде как разжевывая, и своими именами ничего пока не

называя, испытываю даже некоторое наслаждение. Догадаться ей, конечно, можно после этих уточняющих слов, а все равно загадочно звучит. Вплоть и до полного непонимания. Ужасно, конечно, что пока так неопределенно. Даже и стыдно мне за такое поведение. Но что поделаешь...

И дальше молчу — жду продолжения развития восприятия новости на том конце провода. Но чувствую, что-то не совсем правильно я сказал, потому что на той стороне сформировалось некоторое напряжение. Да и мне самому сценарно не очень-то нравится. Один умный человек учил меня: «Когда думаешь кому-то позвонить и что-то очень важное сказать, ну, такую, не каждодневную новость, то лучше начни писать на бумаге. Хотя бы тезисы. Сам увидишь, что это не минутное дело: начнешь сам себя править, новые, более подходящие слова выискивать, выстраивать текст все более и более логическим образом, предложения менять местами и так далее. Поверь, иногда и полчаса может на это уйти, зато потом, когда этот важный звонок осуществляешь, так ты просто купаешься в тексте — медленно так начинаешь, будто ты это все только сейчас и берешь из своей головы, а у тебя выстроено все настолько четко и красиво, что там только ахают!

Паузы соответствующие вклиниваешь по надобности, а потом как перейдешь вдруг на скороговорку — будто тебя осенило... И все это очень правдоподобно выглядит, красиво, органично, ибо заранее подготовлено, — ты только строго следуешь написанному тексту. И дикция у тебя возникает, и ударения, и эмоциональные какие-то моменты. Так что ты эту новость таким вот подготовленным способом сообщаяешь, и там, на другой стороне, воспринимают эту информацию совершенно по-особому, так воспринимают, как тебе и нужно, чтоб воспринимали!»

Хороший совет, только поздно я о нем вспомнил, уже тогда, когда начал звонить! Черт!

Молчание на той стороне продолжается. Неужели не поняла? Да нет, голубушка, быть такого не может — точно поняла! Скорее не знает, что сказать. Может и слезу утирает. А может и нет. Опять же — это мне ясно, о ком речь. А ей, может, и до настоящего времени не ясно. Может, у нее не один он был?

Мне показалось, что на той стороне даже что-то поскрипывает от напряжения, такой саспенс! Хорошо, еще на чуть-чуть продвинемся вперед, как учит мой мудрый знакомый — когда новость неприятного свойства, то лучше всего подавать ее дозированно.